

Научная статья

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОШЕНИЯ УКРАШЕНИЙ МОРДОВСКИМИ ЖЕНЩИНАМИ В ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД (по материалам Барбашинского могильника)

Д. А. Козлов

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия
demetriy87@gmail.com

Аннотация

Введение. Современная археологическая наука располагает большим набором методологического и теоретического инструментария, позволяющего с разных сторон рассмотреть полученный материал. Одним из таких синтетических направлений является социальная археология. Исследование материалов археологических раскопок с социологической точки зрения позволяет обнаружить те или иные явления внутри общин оставивших кладбище. Рассмотрение мордовских погребальных памятников золотоордынского времени актуально в связи с отсутствием работ данной тематики и большими перспективами подобных исследований.

Материалы и методы. На основе методики социальной археологии и статистических данных по материалам раскопок Барбашинского могильника в 1935 г. и 2011 — 2013 гг. (с привлечением данных по Старосельскому могильнику) рассматриваются явления возрастного распределения различных категорий украшений мордовских женщин в эпоху Золотой Орды. Для изучения этого явления в недалеком прошлом использованы данные этнографии, языкознания и фольклора. В ходе работы были задействованы сравнительный метод и метод аналогий.

Результаты исследования и их обсуждение. Рассмотрение статистических данных позволило установить закономерности возрастного распределения украшений у мордовских женщин, определить его существование как в золотоордынское, так и этнографическое время в мордовском обществе и выделить характерные категории украшений для определенного возраста у мордовских женщин в течение их жизни, что закреплено и в мордовском фольклоре.

Заключение. Выявленные закономерности позволяют значительно уточнить время бытования многих категорий женских украшений XIII — XIV вв., закладывая основу для изучения эволюции материальной культуры, развития мордовского общества в то время. Полученные в исследовании факты нуждаются в уточнении на более широкой фактической и этнической основе.

Ключевые слова: социальная археология, мордва, Золотая Орда, украшения, Барбашинский могильник, Старосельский могильник

Финансирование: работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, соглашение № 22-28-20314 «Этногенез народов Западного Поволжья в эпоху средневековья».

Благодарности: автор приносит благодарность Е. В. Четвертакову за возможность использования результатов раскопок Старосельского могильника, а также Д. А. Сташенкову и А. Ф. Кочкиной за помощь и содействие в работе над коллекцией из раскопок Барбашинского могильника 1935 г.

© Козлов Д. А., 2024

Для цитирования: Козлов Д. А. Возрастные особенности ношения украшений мордовскими женщинами в золотоордынский период (по материалам Барбашинского могильника) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2. С. 142 — 160. EDN BJAOWNV

Original article

AGE FEATURES OF WEARING JEWELRY BY MORDOVIAN WOMEN DURING THE GOLDEN HORDE PERIOD (A Case Study of the Barbashinsky Grave Field)

D. A. Kozlov

Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia
demetriy87@gmail.com

Abstract

Introduction. Modern archaeological science has a large set of methodological and theoretical tools that allow us to examine the obtained material from different angles. One of these synthetic areas is social archeology. The study of archaeological excavation materials from a sociological point of view makes it possible to detect certain phenomena within the communities that left the cemetery. The consideration of Mordovian funerary monuments of the Golden Horde time is relevant due to the lack of works on this topic and the great prospects for such research.

Materials and methods. Based on the methodology of social archeology and statistical data based on the excavations of the Barbashinsky grave field in 1935 and 2011 — 2013, with the involvement of data on the Staroselsky grave field, the phenomena of the age distribution of various categories of ornaments of Mordovian women in the era of the Golden Horde are considered. To study the presence of such a phenomenon in the recent past, the data of ethnography, linguistics and folklore were used. When studying the most characteristic examples, the comparative method and the method of analogies were used.

Results and discussion. Consideration of statistical data made it possible to establish the regularities of the age distribution of jewelry among Mordovian women, to determine its existence both in the Golden Horde and ethnographic times in Mordovian society, and to identify the characteristic categories of jewelry for a certain age among Mordovian women throughout their lives. There is evidence of the existence of this in Mordovian folklore.

Conclusion. The revealed patterns make it possible to significantly clarify the time of existence of many categories of women's jewelry of the XIII — XIV centuries, lay the foundation for studying the evolution of material culture, the development of Mordovian society at that time. The facts obtained in the study need to be clarified on a broader factual and ethnic basis.

Keywords: social archeology, Mordovians, Golden Horde, jewelry, Barbashinsky grave field, Staroselsky grave field

Financing: This study was supported by grant from the Russian Science Foundation, agreement No. 22-28-20314 “Ethnogenesis of the Peoples of the Western Volga Region in the Middle Ages”.

Acknowledgments: the author expresses his gratitude to E. V. Chetvertakov for the opportunity to use the excavation results of the Staroselsky grave field, as well as D. A. Stashenkov and A. F. Kochkina for help and assistance in the work on the material collection from the excavations of the Barbashinsky grave field in 1935.

For citation: Kozlov DA. Age Features of Wearing Jewelry by Mordovian Women during the Golden Horde Period (A Case Study of the Barbashinsky Grave Field). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16;(2):142—160. EDN BJAOWNV

Введение

Прогрессивную роль в исследовании социальных процессов прошлого на основании материалов археологических раскопок в конце XX — начале XXI в. стала играть социальная археология. Использование методологии этого направления позволяет синтезировать данные о предметах материальной культуры и факты антропологии с теорией социологии. Социологическое изучение ориентировано не только с точки зрения вертикальных связей и иерархии людей (статус), но и в горизонтальном направлении. Предметом изучения при рассмотрении горизонтального строения общества становятся родственные, семейные взаимоотношения и связи людей, а также половозрастные различия [4, с. 13].

Данная работа является частью исследований по хронологии мордовских древностей в эпоху Золотой Орды, и археологический материал рассматривается нами в соответствующем контексте. Этим обстоятельством обусловлен интерес именно к возрастным явлениям внутри мордовского общества. Как писал П. П. Ефименко, «в изучении прошлого мы исходим из анализа *отдельной могилы, отвечающей определенному историческому моменту*. Отсюда мы ищем ряды погребений одного типа, одного времени, представляющие сошедшее в могилу *поколение*. Далее *исторической реальностью* является для нас весь могильник, развертывающийся в *естественной смене поколений*, уходящего в землю поселка (курсив наш. — Д. К.)» [9, с. 66]. На основе возрастных различий имеется возможность выявить те или иные закономерности распределения вещей, что позволит не только рассматривать предметы как принадлежавшие отдельному человеку, но и выяснить, с какого возраста они могли использоваться и сколько времени. Определив период жизни индивида, можно рассматривать историю появления у него предметов, которая в совокупности с историями других людей его поколения и разных поколений, позволит выявить тенденции развития тех или иных категорий инвентаря в то время.

Обзор литературы

Проблематика социальной археологии в области изучения мордовских древностей пока только начинает разрабатываться и затрагивается лишь в нескольких работах, посвященных древностям мордвы раннего средневековья, например по материалам раскопок Усть-Узинского могильника [7, с. 7 — 16; 8, с. 61 — 70]. По иным периодам развития мордовской археологической культуры подобных работ пока нет.

Материалы и методы

Важными условиями социологического рассмотрения археологического материала служат прежде всего: а) наличие предметов или обстановки погребального комплекса, позволяющих использовать их как отражение тех или иных представлений создавших их людей; б) наличие антропологического материала и его исследованность [3, с. 49 — 55]. Основой методики социальной археологии является интерпретационный подход, предполагающий изучение индивидов в контексте ассоциированных с ними предметов материальной культуры. Данный подход разработан в исследованиях зарубежных ученых постпроцессуальной школы в археологии (Hodder, Shanks и др.) и применяется отечественными исследователями [3, с. 23].

Археологический материал мордовских могильников золотоордынского времени позволяет сделать подобные наблюдения. Особенно ярко это проявляется в на-

сыщенных предметами комплексах — женских, характеризующихся не только наличием различных украшений и предметов быта, но и их большим количеством. Данная особенность определила наш выбор именно женских погребений того периода как объект изучения. Цель нашей работы заключается в установлении закономерностей распределения различных категорий украшений у мордовских женщин, связанных с их возрастом, в эпоху Золотой Орды. Исходя из поставленной цели, нами были отобраны и проанализированы археологические памятники, содержащие всю необходимую информацию.

Результаты исследования и их обсуждение

В числе изученных мордовских могильников в XX в. редким исключением из негативного правила отсутствия антропологических наблюдений стало исследование Барбашинского могильника в 1935 г. под руководством Б. А. Латынина в г. Куйбышеве (ныне г. Самара). В раскопках принимал участие профессор Куйбышевского медицинского института Геннадиев¹. Всего было исследовано 62 погребения в 11 раскопах (А — J). Многие из них были осмотрены либо Геннадиевым, либо самим Б. А. Латыниным, проконсультировавшись с профессором. Раскопки 1935 г. дали обильный материал — украшения, предметы быта, вооружение. Большинство из изученных комплексов содержало инвентарь. Дневник раскопок могильника и сохранившиеся чертежи опубликованы Д. А. Сташенковым и А. Ф. Кочкиной в 2008 г. В книгу вошли также материалы антропологического изучения И. Р. Газимзяновым некоторых черепов². Исследователь уточнил характеристики возраста некоторых умерших женщин (в погребении 4 раскопа А «средний возраст» (1935 г.) — 18 — 20 лет (2008 г.); в погребении 9 раскопа D — 30 — 40 лет (1935 г.) — 50 — 60 лет (2008 г.)).

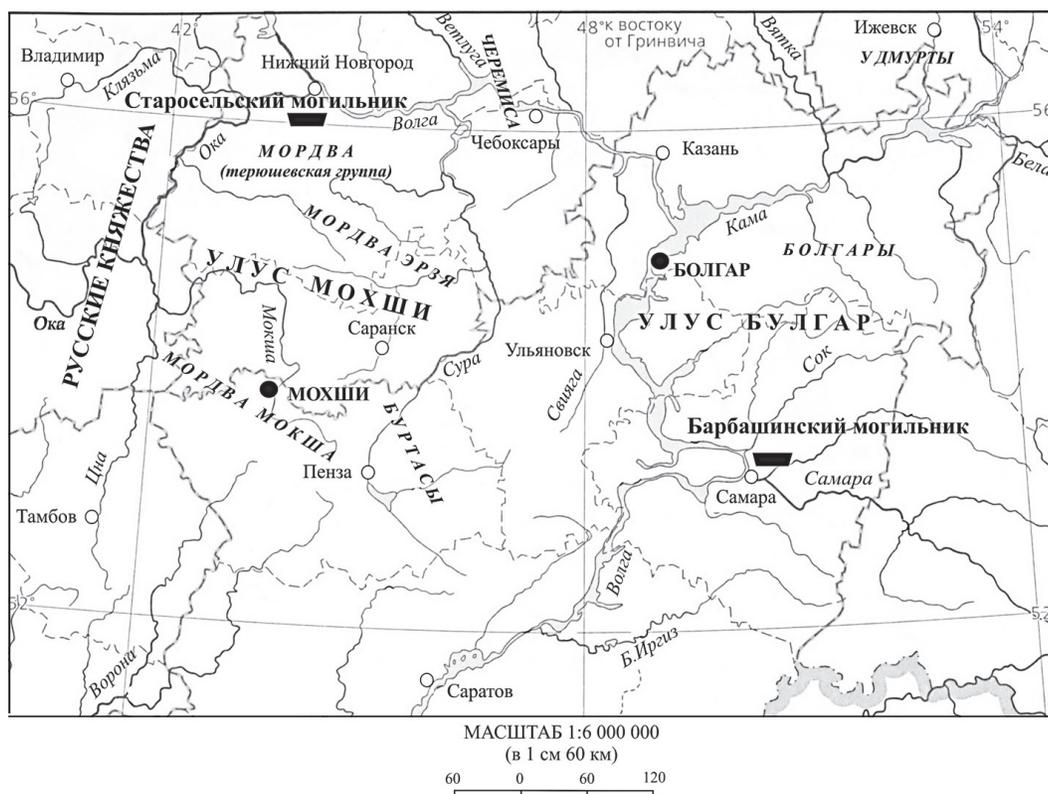
Для современных археологических раскопок мордовских могильников, как правило, характерно комплексное изучение уже в полевых условиях с привлечением антропологов или при участии археолога, имеющего антропологическое образование и опыт подобных определений, — это Старосельский и Сарадонский могильники в Нижегородской области (Е. В. Четвертаков, в 2016 — 2019, 2021 гг.), Бокинский могильник в Тамбовской области (в 2016 г.) [1] и Барбашинский могильник на территории г. Самары (в 2011 — 2013 гг.) [15; 16]. Такой базис создает хорошие условия для исследования оставившего их населения по различным аспектам жизни того времени.

Материалы публикации дневников раскопок Барбашинского могильника в 1935 г., а также «каталог коллекции Барбашинского могильника из раскопок Б. А. Латынина 1935 г.» и личное знакомство с данной коллекцией № 23 в СОИКМ им. П. В. Алабина являются источником нашего исследования. В работе также были использованы публикации материалов раскопок Д. А. Сташенкова 2011 — 2013 гг. на Барбашинском могильнике [15, с. 5 — 34; 16, с. 13 — 51]. В связи с тем, что по результатам изучения антропологического материала могильника И. Р. Газимзяновым и определением возраста в 1935 г. имеются разночтения, как сравнительный материал мы использовали отчеты по раскопкам Старосельского могильника, исследованного в

¹ Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Саратов, 2008. С. 46.

² Там же. С. 191 — 194.

2016 — 2019 гг. под руководством Е. В. Четвертакова, — памятника мордвы, во многом сходного по обрядовым традициям и материальной культуре с Барбашинским³. Территориально эти памятники являются на сегодняшний день весьма удаленными друг от друга: Барбашинский могильник — самый восточный памятник; Старосельский могильник — пока самый северный погребальный памятник мордвы золотоордынского времени (рис. 1).

■ — мордовские могильники XIII — XIV вв.

● — улусные центры Золотой Орды

Рис. 1. Карта мордовских могильников XIII — XIV вв., материалы которых использованы в работе

Figure 1. The map of the Mordovian grave fields of the XIII — XIV centuries, the materials of which are used in this work

³ Архив ИА РАН (Архив Института археологии Российской академии наук). Четвертаков Е. В. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2017 году. 2018. 129 с.; Его же. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2018 году. 2019. 132 с.; Его же. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2019 году. 2020. 140 с.; Его же. Отчет об археологической разведке на территории Дальнеконстантиновского и Краснобаковского районов Нижегородской области в 2016 году. 2017. 152 с.

При сопоставлении черновика отчета о раскопках Барбашинского могильника 1935 г. с дневником раскопок Б. А. Латынин использовал следующую градацию возраста: дети (0 — 15 лет); юные, молодые (15 — 20 лет); средние (30 — 40); старые (50 лет и более). Из всех женских по инвентарю погребений Барбашинского могильника раскопок 1935 г. возраст был определен у 31, при этом часть женщин характеризуется такой возрастной группой как «средняя» (30 — 40 лет — 2 женщины) и «взрослая» (от 18 лет — 3 женщины) и «старая» (50 лет и более — 2 женщины). По материалам раскопок Д. А. Стащенко пол и возраст был определен у 7 женщин. Антропологические данные о возрасте мы совместили с категориями предметов, обнаруженных в захоронениях (табл. 1, 2).

Таблица 1. Барбашинский могильник. Раскопки Б. А. Латынина, 1935 г.

Table 1. The Barbashinsky grave field. B. A. Latynin's excavations, 1935

Номер погребения	Возрастная группа, лет	Украшение или предмет быта								
		Застежка подково-видная	Застежка-сюльгама	Браслет	Перстень	Бусы	Серьга, височное кольцо	Пряслице	Нож, ножницы	Керамика
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
A4	18 — 20*	+	+	+	+					+
A5	7 — 10									
A6	0 — 10	+				+				
A8	70 — 80**	+	+	+						+
A9	Более 50	+	+	+	+					+
A13	15 — 18		+	+	+	+	+	+		+
A14	20 — 30	+	+	+	+	+				
A17	0 — 10						+			
A24	Средняя	+	+	+	+					
A25	Более 60	+	+	+	+	2	+	+		
A26	30 — 40	+		+				+		
B4	Старая	+	+	+				+	+	
B6	Взрослая	+	+	+	+	+		+	+	
B7	Взрослая	+	+	+	+	+				
B8	8 — 10	+	+			+				
B9	6 — 8	+	+			+				+
B10	Взрослая	+	+	+				+		
D1	6 — 8	+	+			+				
D2	2 — 3		+			+				
D4	5 — 6	+				+				
D5	5 — 6									
D6	30 — 40	+		+						+
D7	1									
D8	50 — 60	+	+							+
D9	50 — 60	+	+	+	+					
D10	Более 50	+	+	+	+					
D12	30 — 40	+								

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I2	30 — 40	+	+	+		+				
K1	Средняя		+	+	+	+		+		+
K2	Старая	+	+	+				+	+	
E2	1					+				
Всего: 31										

* A4 — в 1935 г. возраст определен как «средний», в 2008 г. — 18 — 20 лет.

** A8 — в 1935 г. возраст был определен как около 30 — 40 лет, в 2008 г. — 70 — 80 лет.

Таблица 2. Барбашинский могильник. Раскопки Д. А. Сташенкова, 2011 — 2013 гг.

Table 2. The Barbashinsky grave field. D. A. Stashenkov's excavations, 2011 — 2013

Номер погребения	Возраст, лет	Украшение или предмет быта								
		Застежка подково-видная	Застежка-сюльгама	Браслет	Перстень	Бусы	Серьга, височное кольцо	Пряслице	Нож, ножницы	Керамика
2012—5	5						+			
2012—8	1									
2012—9	1									
2012—10	Около 40	+	+	+						+
2013—1	40 — 50	+		+	+	+		+		
2013—5	7	+				+	+			
2013—6*	25 — 35	+				+		+		
Всего: 7										

* Часть захоронения в области рук уничтожена перекопом XX в.

В Старосельском могильнике по характерному инвентарю Е. В. Четвертаков выявил 12 женских погребений золотоордынского времени, из которых только в 10 случаях оказалось возможным определить возраст. При этом в погребениях 18 — 19 были похоронены взрослая женщина с сильно истлевшими костями (что сделало невозможным определить ее возраст) и девочка 6 — 7 лет⁴. Это погребение обычный для мордвы парный комплекс родственников. Возраст девочки ясно указывает, что похороненная с нею женщина (видимо, ее мать), умерла не ранее 22 лет. В погребении 40 была похоронена девочка грудного возраста, но сама форма могилы, довольно необычна для мордвы — яма округлой формы, что позволяет считать комплекс помещения украшений в нем обрядовым. Находки из погребений также совмещены нами с возрастной характеристикой (табл. 3).

По Барбашинскому могильнику, исходя из табл. 1 и 2, вырисовывается весьма показательная картина.

⁴ Архив ИА РАН. Четвертаков Е. В. Отчет... 2018. С. 17 — 19.

Таблица 3. Старосельский могильник. Раскопки Е. В. Четвертакова, 2016 — 2019 гг.

Table 3. The Staroselsky grave field. E. V. Chetvertakov's excavations, 2016 — 2019

Номер погребения	Возраст, лет	Украшение или предмет быта								
		Застежка подково-видная	Застежка-стюльгама	Браслет	Перстень	Бусы	Серьга, височное кольцо	Пряслице	Нож, ножицы	Керамика
7	35 — 40	+	+		+			+		
11	25 — 35	+	+		+			+	+	
16	2 — 3	+								+
17	6 — 7	+								
18*	Не менее 22	+		+	+				+	
19*	6 — 7	+								
24	20 — 25	+	+	+		+				
27	Более 50	+	+	+	+			+		
28	18 — 20	+		+		+		+		
40**	До 1	+	+	+		+				
Всего: 10										

* Погребение 18 — 19 является парным комплексом, видимо, матери и дочери.

** Предметы из погребения 40, видимо, являются обрядовым «даром».

Девочки до 1 года часто не имеют никаких украшений (3 из 4). Более старшие девочки и девушки в большинстве случаев имеют бусы, височные кольца и застежки (9 из 11). Пример подобного набора украшений представлен на рис. 2 — погребение 6 раскопа А и погребение 1 раскопа D (1935 г.).

Молодые женщины или невесты в возрасте 15 — 20 лет имеют наибольшую часть украшений, причем в отличие от девочек и девушек у них *появляются перстни и браслеты* (3 из 3). На рис. 3 представлен характерный набор украшений женщин этой возрастной группы — погребение 13 раскопа А (1935 г.).

У части *женщин среднего возраста* (30 — 40 лет) имеются все характерные для невесты категории, но *бусы начинают исчезать из костюма* (бус нет у 5 из 9). На рис. 4 представлен типичный для этой возрастной группы набор украшений — погребение 2 раскопа I (1935 г.). На основании данного факта можно предположить, что это происходило до 40 — 45 лет, когда мать дарила свои бусы дочерям по мере их рождения.

Женщины пожилого и старческого возраста (старше 50 лет), за исключением одного случая, *бус не имеют* (7 из 8). Причем, судя по погребению 9 раскопа А и парному с ним погребению 10 мордовского воина, здесь похоронена его пожилая жена, это не зависело от социального статуса, а являлось частью обычаев, которых придерживались все. Погребение 25 раскопа А иллюстрирует то, что это был не одноактный процесс, и какие-то бусы единично могли быть у женщин более старшего возраста (к тому же женщина могла быть бездетной). Пример комплекса украшений этой возрастной группы представлен на рис. 5 — это погребение 9 раскопа А (1935 г.), материалы которого опубликованы в отдельной работе [11, с. 301 — 313].

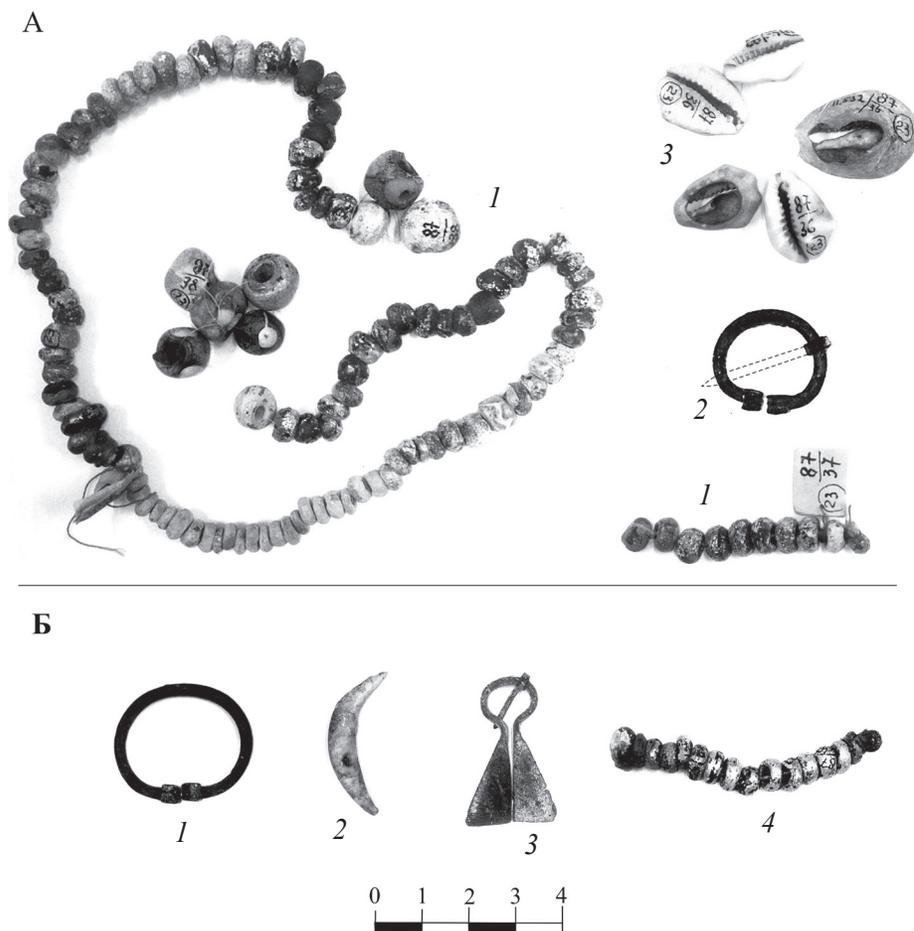

Рис. 2. Комплексы детских погребений Барбашинского могильника:

А — погребение 6 раскопа А: 1 — бусы; 2 — застежка; 3 — подвески-каури.

1 — стекло; 2 — медь; 3 — раковина

Б — погребение 1 раскопа D: 1 — застежка; 2 — амулет; 3 — застежка-сьюлгма; 4 — бусы.

1, 3 — медь; 2 — клык лисицы; 4 — стекло

Figure 2. Children's burial complexes of the Barbashinsky grave field:

A — burial 6 trench A: 1 — beads; 2 — fastener; 3 — cowrie pendants.

1 — glass; 2 — copper; 3 — shell

B — burial 1 trench D: 1 — clasp; 2 — amulet; 3 — clasp-sulgam; 4 — beads.

1, 3 — copper; 2 — fox fang; 4 — glass

Такие же факты выявляются по материалам раскопок Д. А. Сташенкова в 2013 г. Здесь немного бус имеется у женщины 40 — 50 лет из погребения 1 — 11 шт., и много бус и раковин каури обнаружено у молодой женщины 25 — 35 лет из погребения 6 — 20 раковин каури и 67 бус [15, с. 22, рис. 29; с. 27, рис. 35; с. 28, рис. 37].

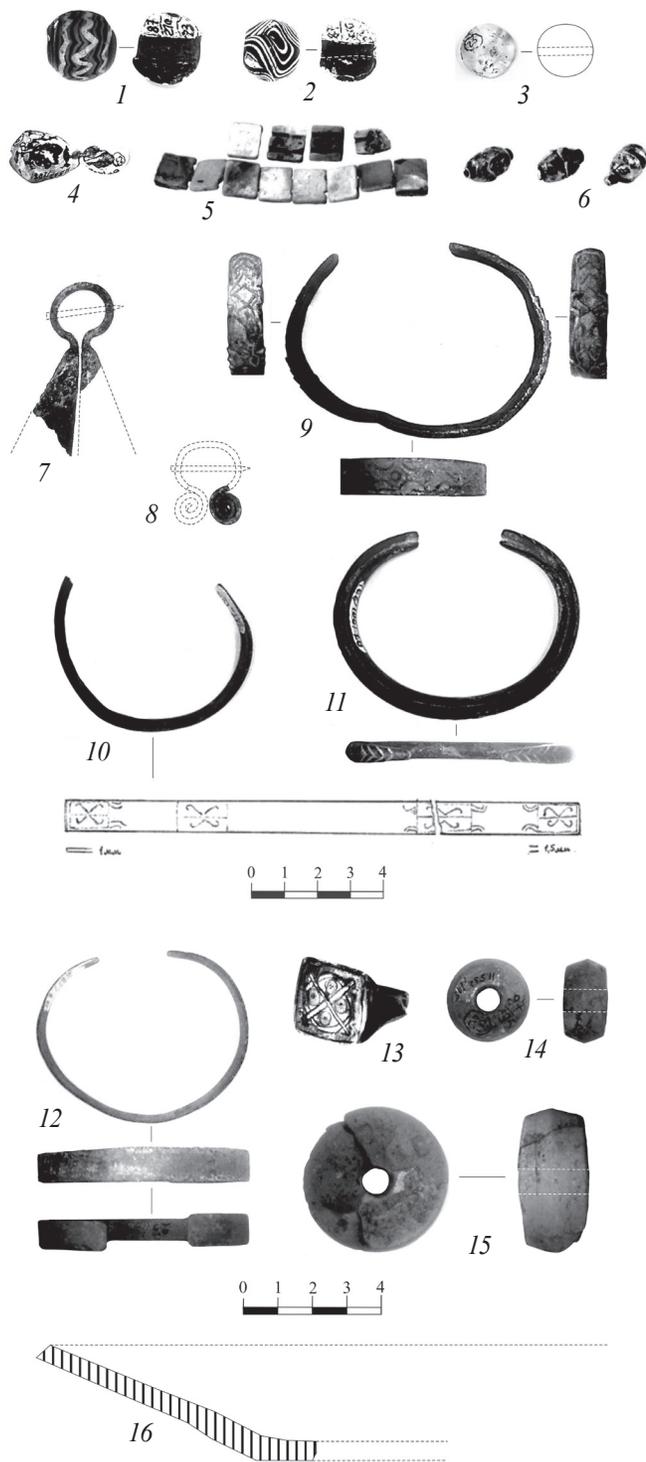

Рис. 3. Комплекс погребения юной женщины Барбашинского могильника — погребение 13 раскопа А:

1 — 3 — бусы; 4 — подвески-каури; 5 — бусы-пронизки; 6 — бусы-подвески; 7 — 8 — застежки-сюльгамы; 9 — 10, 12 — пластинчатые браслеты; 11 — дротовый браслет; 13 — перстень; 14 — 15 — пряслица; 16 — фрагмент чаши.
1 — 2 — стекло; 3 — хрусталь; 4 — 5 — раковины; 6 — серебро; 7 — 12 — медь и сплавы на основе меди; 13 — серебро, чернь; 14 — 16 — глина.

Утрачены: цепочки от бус-подвесок, перстень серебряный, перстень медный, бусы синие и золотистые, бисер цилиндрический, кольца-серьги медные

Figure 3. The complex of the burial of a young woman of the Barbashinsky burial ground — burial 13 trench A:

1 — 3 — beads; 4 — cowrie pendants; 5 — threaded beads; 6 — pendant beads; 7 — 8 — clasps-sylgams; 9 — 10, 12 — lamellar bracelets; 11 — dart bracelet; 13 — ring; 14 — 15 — whorl; 16 — a fragment of a bowl.
1 — 2 — glass; 3 — crystal; 4 — 5 — shells; 6 — silver; 7 — 12 — copper and copper-based alloys; 13 — silver, black; 14 — 16 — clay.

Lost: chains from pendant beads, a silver ring, a copper ring, blue and gold beads, cylindrical beads, copper earring rings

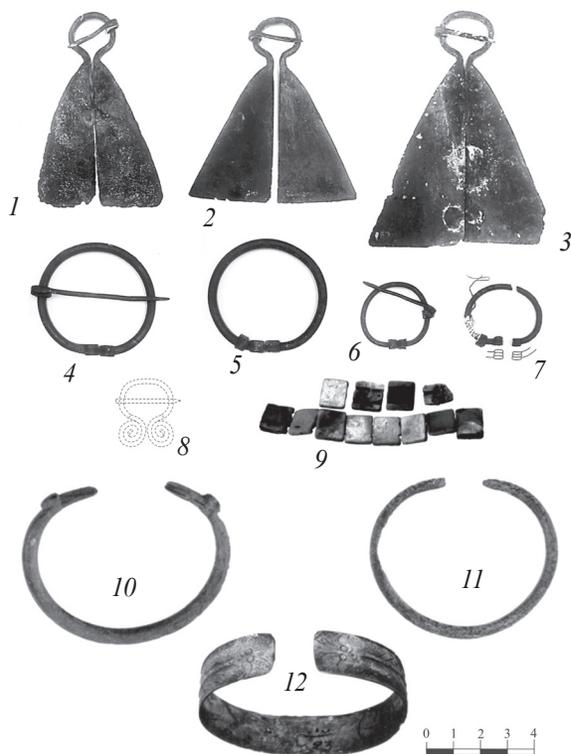

Рис. 4. Комплекс погребения женщины среднего возраста Барбашинского могильника — погребение 2 раскопа I: 1 — 3 — застежки-сюльгамы; 4 — 8 — застежки; 9 — бусы-пронизки; 10 — 11 — дровяные браслеты; 12 — пластинчатый браслет (10 — 12 по Д. А. Сташенкову, А. Ф. Кочкиной, 2008).
1 — 8, 10 — 11 — медь и сплав на основе меди; 9 — раковины; 12 — серебро.
Утрачены: застежка 8 (по схеме погребения и описанию из дневника раскопок), бусы 9 (по описанию из дневника раскопок)

Figure 4. The burial complex of a middle-aged woman of the Barbashinsky grave field — burial 2 trench I: 1 — 3 — syulgam fasteners; 4 — 8 — fasteners; 9 — threaded beads; 10 — 11 — dart bracelets; 12 — lamellar bracelet (10 — 12 according to D. A. Stashenkov, A. F. Kochkina. 2008).
1 — 8, 10 — 11 — copper and copper-based alloy; 9 — shells; 12 — silver.
Lost: clasp 8 (according to the scheme of the burial and the description from the diary of the trenches), beads 9 (according to the description from the diary of the trenches)

Установленные возрастные закономерности появления и исчезновения тех или иных категорий украшений позволяют ограничить временные рамки их бытования у конкретных женщин. При наличии абсолютной датировки времени смерти женщины это дает возможность определить период изготовления и ношения украшений, характерных для определенной возрастной группы. Наиболее наглядные примеры этого встречаются в материалах раскопок Барбашинского могильника (рис. 6). Во время работ 1935 г. в раскопе D было изучено погребение 10 — женщина в возраст-

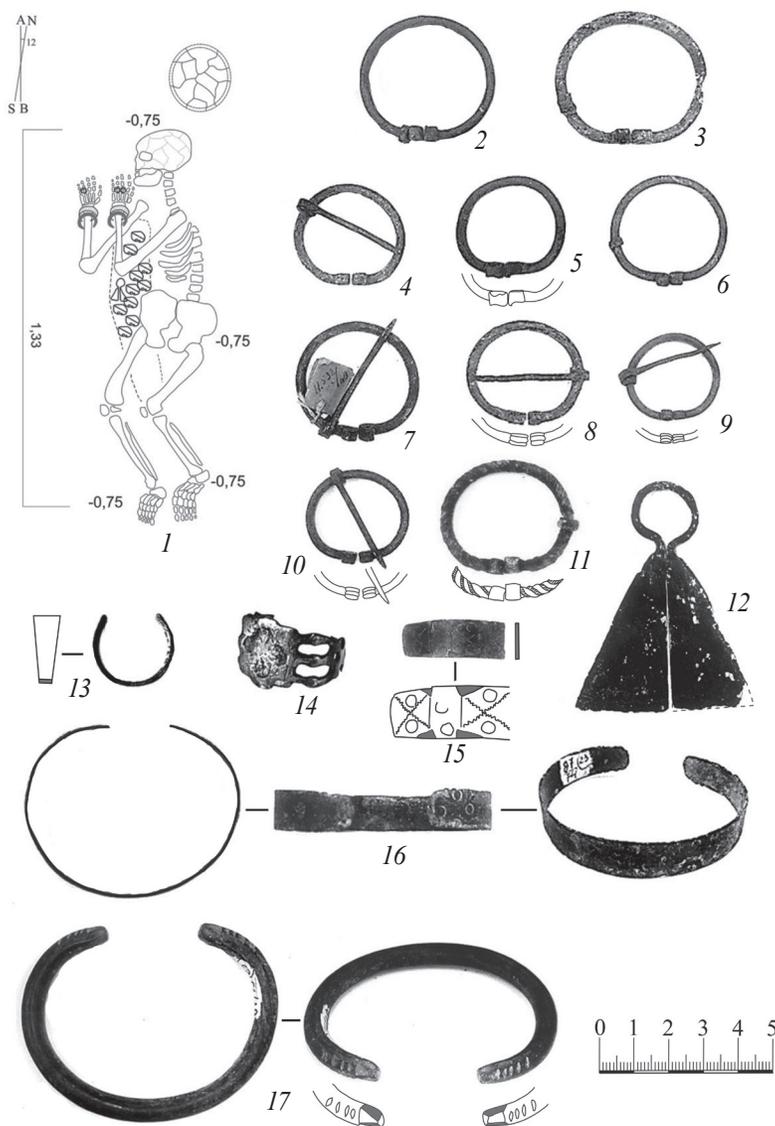

Рис. 5. Комплекс погребения старой женщины Барбашинского могильника — погребение 9 раскопа А (по Д. А. Козлову, 2023): 1 — реконструированная схема погребения (составил Д. А. Козлов); 2 — 11 — застежки; 12 — сьюльгама; 13 — фрагмент шинки перстня; 14 — перстень с ажурной шинкой; 15 — фрагмент пластинчатого браслета (окончание увеличено); 16 — пластинчатый браслет; 17 — дротовый браслет.
2 — 13, 15 — 17 — медь и сплавы на основе меди; 14 — серебро

Figure 5. Burial complex of an old woman of the Barbashinsky grave field — burial 9 trench A (according to D. A. Kozlov, 2023): 1 — reconstructed scheme of the burial (compiled by Kozlov D. A.); 2 — 11 — fasteners; 12 — sulgama; 13 — fragment of a ring shank; 14 — a ring with an openwork shank; 15 — a fragment of a lamellar bracelet (the end is enlarged); 16 — lamellar bracelet; 17 — dart bracelet.
2 — 13, 15 — 17 — copper and copper-based alloys; 14 — silver

те более 50 лет. У нее помимо украшений костюма была обнаружена монета хорошей сохранности чекана хана Хызра (1359/60 г.) [10]. Практически тем же временем датирована новая монета чекана хана Джанибека (1357 г.) в составе комплекса погребения 1 раскопа 4 у женщины в возрасте 40 — 50 лет, исследованного во время раскопок 2013 г. Д. А. Сташенковым. Датировка монет в обоих погребениях в пределах конца 1350-х гг. и разный возраст умерших женщин — погребение 10 раскопа D (1935 г.) старше женщины из погребения 1 раскопа 4 (2013 г.) не менее чем на 10 лет — позволяют рассмотреть непосредственно предметы из набора их украшений и сравнить. Зная, что перстни и браслеты у женщин данной общины появлялись в возрасте 15 — 20 лет, можно определить абсолютное время изготовления (или поступления) этих видов украшений к женщинам. Соответственно для женщины из погребения 10 раскопа D (1935 г.) это период конца 1310-х — 1320-е гг. (время рождения — 1300-е гг.), для женщины из погребения 1 раскопа 4 (2013 г.) это последующий период — конец 1320-х — 1330-е гг. (время рождения — 1310 — 1320-е гг.). Этим периодом датируются перстни (у женщины из погребения 10 раскопа D, к сожалению, утрачены) и браслеты. По браслетам хорошо просматривается их эволюция — от имитации головы змеи (дракона), созданной методом насечки и шлифовки в погребении 10 раскопа D, к литым и кованным накладкам (в том числе напаянным) в погребении 1 раскопа 4 (рис. 6а, 14, 6б, 18). Рассматривая застежки, можно также сделать некоторые наблюдения. В погребении 10 раскопа D нет витых из проволоки застежек, а у более молодой женщины из погребения 1 раскопа 4 они есть (рис. 6б, 13 — 16). Это говорит о том, что подобные украшения могли появиться уже после времени молодости женщины из погребения 10 раскопа D, примерно в 1330 — 1340-е гг. У обеих женщин имеются застежки, обвитые тонкой проволокой, и застежки с желобками на цилиндриках концов, что свидетельствует об их существовании во время их жизни (рис. 6а, 10; 6б, 17).

Во многом аналогичная ситуация просматривается и по результатам раскопок Старосельского могильника (см. табл. 3). Здесь мы также видим наличие всех категорий украшений у двух молодых женщин (погребения 24 и 28). Стоит отметить то, что бусы вообще не встречаются у женщин иного возраста кроме них, даже у девочек. Видимо, это было связано с некими обычаями мордвы того региона, соотносимых с мордвой-герюханами (Герюшевская волость XVI — XVIII вв.), так как бусы отсутствуют и в материалах золотоордынского времени из Сарлейского могильника, в том числе в комплексах, явно принадлежавших знатным людям (погребения 18, 19; 1927 г.) [6, с. 24 — 55].

В связи с этим стоит отметить, что в этнографическое время у мордвы в украшениях уже не было многих категорий, характерных для более раннего периода истории народа, например браслетов. Судя по археологическим материалам, например из Кельгининского могильника, где представлено много комплексов второй половины XVI в. — начала XVIII в., они были в наличии еще в первой половине XVIII в. [2; 5]. Отсутствие браслетов просматривается уже на рисунках экспедиции П. С. Палласа в 1768 г., где они не представлены в костюме и не описаны⁵ [14,

⁵ Прокина Т. П. Мордовский народный костюм: альбом. Саранск, 2007. С. 4 — 5.

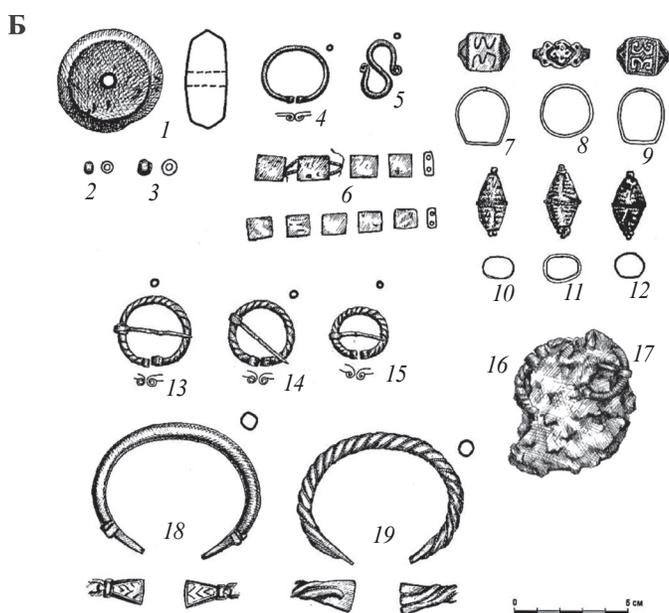
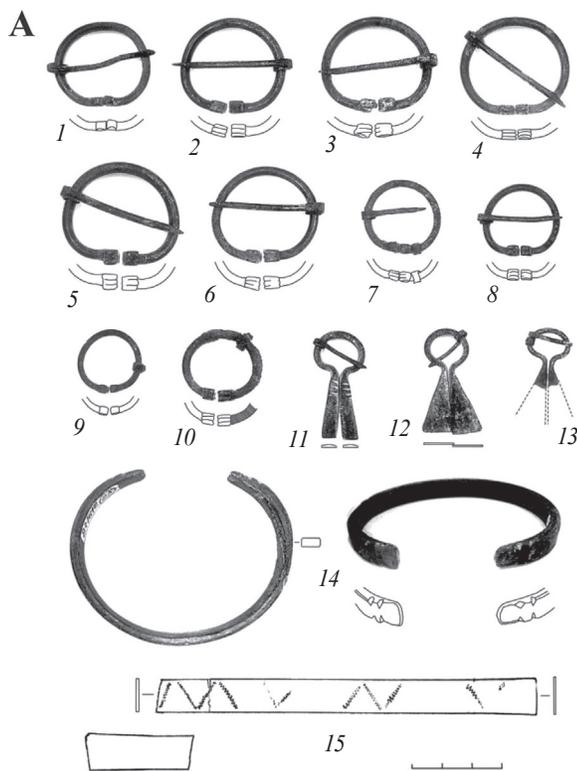

Рис. 6. Пример возрастной хронологической корреляции из Барбашинского могильника:
А — погребение 10 раскопа D (1935 г. — по Д. А. Козлову, 2023): 1 — 9 — застёжки; 10 — застёжка, обвитая проволокой; 11 — 12 — сьюльгами; 13 — фрагмент сьюльгамы с плоскими лопастями; 14 — дротовый браслет; 15 — пластинчатый браслет и его фрагмент.
 1 — 15 — сплавы на основе меди.
Б — погребение 1 раскопа 4 (2013 г. — по Д. А. Сташенкову, 2014): 1 — пряслице; 2 — 3 — бусы; 4 — ковванная застёжка; 5 — S-видный крючок; 6 — бусы-пронизки; 7 — 9 — перстни; 10 — 12 — бусы-подвески; 13 — 16 — застёжки витые; 17 — застёжка, обвитая проволокой; 18 — дротовый браслет; 19 — витой браслет.
 1 — глина; 2 — 3 — стекло; 4, 5, 10 — 19 — медь и сплавы на основе меди; 6 — раковина; 7 — 9 — серебро, чернь

Figure 6. An example of age chronological correlation from the Barbashinsky grave field:

A — burial 10 trench D (1935 — according to D. A. Kozlov, 2023): 1 — 9 — fasteners; 10 — fastener wrapped with wire; 11 — 12 — sulgams; 13 — fragment of a syllama with flat blades; 14 — dart bracelet; 15 — lamellar bracelet and its fragment.
 1 — 15 — alloys based on copper.
B — burial 1 trench 4 (2013 — according to D. A. Stashenkov, 2014): 1 — whorl; 2 — 3 — beads; 4 — forged clasp; 5 — S-shaped hook; 6 — threaded beads; 7 — 9 — rings; 10 — 12 — pendant beads; 13 — 16 — twisted fasteners; 17 — clasp wrapped in wire; 18 — dart bracelet; 19 — twisted bracelet.
 1 — clay; 2 — 3 — glass; 4, 5, 10 — 19 — copper and copper-based alloys; 6 — shell; 7 — 9 — silver, black

с. 82 — 83]. Женщинам на рисунках этой экспедиции примерно 20 — 30 лет, т. е. они родились в 1740 — 1750-х гг. Академик П. С. Паллас во время путешествия в долине реки Пьяны, рассматривая костюм эрзянских женщин, обратил внимание на различия девичьего костюма и костюма замужних женщин: «...у девиц на одеянии гораздо меньше гремушек...» [14, с. 83].

Явление возрастных отличий в костюме у женщин хорошо известно в более близкое нам время — у мордвы XIX — XX вв. Согласно данным Т. П. Прокиной, на начало — середину XX в. наиболее нарядный костюм у мордовских женщин появлялся как раз у невесты и молодой женщины — в 15 — 20 лет. К 35 — 40 годам происходит полная его замена на относительно простой⁶. Пожилые и старые женщины носили самый простой костюм и по вышивке, и по украшениям. Количество ожерелий у них значительно уменьшалось. Такие же данные приводит и Г. А. Корнишина, уточняя причину подобного богатства убранства молодых: «Полный традиционный костюм со всеми украшениями и дополнительными элементами молодые люди начинали носить по достижении ими брачного возраста, то есть с 16 — 17 лет... Изменения в одежде молодежи были общественной демонстрацией их совершеннолетия... которые должны были „известить“ окружающих об их готовности к браку» [12, с. 303]. Имелась и поныне частично существует среди мордвы и специальная терминология, обозначающая детей разного возраста (э. — эрзянский язык, м. — мокшанский язык) — от *тейтерь*, *стирь* (э., м. «дочь») к *потия эйкаки* (э.) *потяй идь* (м.) (в 2 — 3 года), к *эйде* (э.) *тётмак* (м.) (в 3 — 7 лет), к *эйкаки* (э.) *идьмор* (м.) (до 14 — 15 лет). Невеста называлась *одирьва*, *максонька* (э.), *максом стирь* (м.). Широко распространено обозначение замужней женщины — *ава* (э., м.). Родителей называют *авай*, *тядйяй* (э., м. «мать; свекровь»). При матери жениха невестку называли *мазава*, *парава*, *вежава* и т. д. Подобное изменение терминологии было призвано подчеркнуть возрастные различия между матерью жениха и женой. Именованье бабушки со стороны отца — *баба* (м., э.), со стороны матери — *васол баба*, *вечка баба* (э.), *щавя*, *оцю дядяй*, *щавя бабай*, *щаваня* (м.) [13, с. 288 — 291]. Наличие развитой терминологии родства и упорядоченность внутри общины — одна из отличительных черт мордовской лексики, которая фиксировала и развитую систему внутрисемейных и родовых отношений, где каждый возраст и статус имели определенное социальное и бытовое значение (права и обязанности, уважение, обращение и т. д.).

Закономерность возрастных отличий в украшениях мордовских женщин просматривается и по фотографиям начала XX в. Характерный и яркий пример представлен на рис. 7. На фотографии представлена мордовская семья в полном составе — отец (в кепке в центре), мать (слева) — на ней сьюльгамо с украшениями и ожерелья на груди, серьга. Детей шестеро. Судя по их возрасту, от 1,5 до 15-18 лет, матери 33-35 лет. Слева от отца сидит старшая дочь 15-18 лет, на ней костюм невесты — сьюльгамо с украшениями, обилие ожерелий, полностью покрывающих шею и частично грудь, серьги, два перстня на правой руке. Девочки детского возраста не имеют украшений (первый ряд), их сестра примерно возраста подростка имеет лишь одно ожерелье (третий ряд).

⁶ Прокина Т. П. Указ. соч. С. 19, 26.

Рис. 7. Семья крестьянина. Мокша. Пензенская губерния, Чембарский уезд, пос. Загибалиха. 1927 г. Фото И. Я. Бондякова. Кунсткамера. И 1672-52 (источник: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/105010?query=мокша&index=27>)

Figure 7. The peasant's family. Moksha, Penza governorate, Chembarsky District, village of Zagibalikha, 1927. Photo by I. Ya. Bondyakov. Kunstkamera. И 1672-52 (source: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/105010?query=мокша&index=27>)

потомству. Иными словами, период получения (подарок, покупка) и ношения — около 40 лет. Часть бус женщина получала еще будучи девочкой и девушкой от родственников, т. е. какая-то часть бус могла быть более раннего времени (от матери), часть — современными времени жизни женщины (покупка). Перстни и браслеты,

Обратимся к фольклорным источникам. Из мордовского народного устного творчества особый интерес для нас представляет сказка о «Дуболго Пичай». Это произведение явно относится к дохристианскому времени и содержит некоторые подробности, не встречающиеся в других более поздних сказках. Несмотря на различные переказы, во всех имеется сюжет, где братья Дуболго Пичай обещают купить (и, видимо, это делают) любимой красавице-сестре браслеты и перстни после удачной охоты⁷. О возрасте Дуболго говорит тот факт, что сразу после воскрешения (пробуждения) она выходит замуж за своего спасителя Виртяна⁸. Этот факт свидетельствует о том, что на момент смерти и воскрешения она была в возрасте невесты (15 — 20 лет). Данный сюжет позволяет увидеть отражение такого явления и в мордовском фольклоре.

По рассмотренным выше материалам Барбашинского могильника видно, что лопастные сюльгамы и застежки носили женщины почти всех возрастов, кроме новорожденных. Бусы появлялись у женщины с детского возраста и постепенно переходили после замужества уже к

⁷ Мордовские народные сказки / К. Т. Самородов (собр. и сост.), А. А. Долгачев (сост.). Саранск, 1985. С. 162.

⁸ Там же. С. 165.

за отдельными исключениями, появляются у мордвовок только начиная с возраста невесты (с 15 — 16 лет) и имеются вплоть до смерти. Часть женщин более старшего возраста не имеет некоторых украшений, что, возможно, обусловлено обычаями, семейным положением или иными аспектами, требующими обстоятельного изучения.

Заключение

Выявленные закономерности по материалам раскопок Барбашинского могильника имеют несколько основных значений для изучения мордовских древностей и реконструкции истории народа в золотоордынское время.

1. В XIII — XIV вв. возрастными украшениями мордовских женщин являлись перстни, браслеты и бусы. Перстней и браслетов не обнаружено у девочек и девушек до 15 лет. Бус не обнаружено у пожилых и старых женщин. «Богатство» костюма в данном случае связано с возрастом.

2. По наличию или отсутствию подобной категории инвентаря (наряду с другими) можно косвенно определить возраст женщины даже при плохой сохранности или отсутствии костей.

3. Хронологическое значение заключается в том, что при наличии тех или иных категорий предметов, можно говорить и о времени их появления у женщины, тем самым выделяя отдельные интервалы, позволяющие при накоплении подобных данных делать обобщающие выводы о развитии и эволюции украшений данного исторического периода.

4. Наличие или отсутствие тех или иных категорий украшений свидетельствует о переходе женщины в иной статус внутри семьи и общины (от *стирь* к *эйкакши* и *идьмор* к *одирьва* и *максом стирь* к *ава* и далее к *васол баба* и *щавя*).

Данные наблюдения требуют более масштабной проверки, тем более, что они характерны для археологических памятников, относимых либо к мордве-эрзе или смешанному населению с преобладанием эрзянского компонента (Барбашинский могильник) либо близким к ним мордве-герюханам (Старосельский могильник).

В рамках статьи рассмотрены статистические материалы из археологических раскопок Барбашинского могильника (1935, 2011 — 2013 гг.) и сравнительные данные по Старосельскому могильнику (раскопки 2016 — 2019 гг.). Опираясь на методику социальной археологии, удалось наметить некоторые закономерности возрастного распределения различных категорий украшений. Во многом эти закономерности реально существовали уже в этнографическое время — в XVIII — XX вв. Полученные выводы требуют уточнения и проверки на более обширном материале, в том числе с точки зрения эволюции во времени (в XV — XVII вв.), а также расширения разработки вопроса на этнической основе — по мордве-мокше, из материалов могильников, соотносимых с этим этносом в эпоху Золотой Орды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев С. И. Бокинский могильник средневековой мордвы // Российская археология. 2020. № 2. С. 151 — 166.
2. Беляев Я. В., Вихляев В. И., Зеленцова О. В., Шитов В. Н. Кельгининский могильник: Раскопки 1990-х гг. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 1998. 168 с.

3. Берсенева Н. А. Возрастная и гендерная дифференциация в обществах Южного Урала II тыс. до н. э. (по материалам погребальных памятников): дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2019. 838 с.
4. Берсенева Н. А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 204 с.
5. Вихляев В. И., Пронин А. С. Средневековая мокша. Первые века вместе с Древней Русью. Материалы раскопок Кельгининского могильника 1999 — 2001 гг.: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. 356 с.
6. Горюнова Е. И. Сарлейский могильник // Археологический сборник. Саранск: Мордов. гос. изд-во, 1948. С. 6 — 55.
7. Гришаков В. В., Давыдов С. Д. Социальная стратификация населения, оставившего Усть-Узинский 2 (древнемордовский) могильник III — IV вв. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 1 (29). С. 7 — 16. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-1-2014u.pdf>
8. Гришаков В. В., Давыдов С. Д., Седышев О. В., Сомкина А. Н. Мордовские племена накануне Великого переселения народов (Усть-Узинский могильник III — IV вв.): моногр. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2016. 195 с.
9. Ефименко П. П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. III, вып. 1. С. 59 — 84.
10. Козлов Д. А. Женское погребение с золотоордынской монетой из Барбашинского могильника раскопок 1935 г. // Лебедевские чтения: сб. ст. по материалам XXIV Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Году педагога и наставника и 80-летию образования Пензен. гос. ун-та / под ред. д-ра ист. наук, проф. О. А. Суховой. Пенза: Изд-во ПГУ, 2023. С. 126 — 131.
11. Козлов Д. А. Комплекс парного погребения 9 — 10 Барбашинского могильника (из раскопок Б. А. Латынина) в системе хронологии мордовских древностей золотоордынского периода // Археология евразийских степей. 2023. № 1. С. 301 — 313.
12. Корнишина Г. А. Традиционно-обрядовая культура мордвы // Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. 2-е изд., доп. и перераб. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2012. С. 294 — 318.
13. Николаев С. Д. Система родства // Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. 2-е изд., доп. и перераб. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2012. С. 288 — 293.
14. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. СПб.: Изд-во Императорской Академии наук, 1773. Т. 1. 786 с.
15. Сташенков Д. А. Барбашинский могильник на территории города Самары: некоторые итоги изучения и перспективы исследования // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3. С. 326 — 329.
16. Сташенков Д. А. Новые археологические исследования на территории города Самары. Самара: Ас Гард, 2012. 136 с.

Статья поступила в редакцию 31.08.2023; одобрена после рецензирования 22.11.2023; принята к публикации 29.11.2023.

Информация об авторе:

Дмитрий Александрович Козлов, аспирант отдела археологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), demetriy87@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Andreev SI. Bokinsky Grave Field of the Medieval Mordovians. *Russian Archeology*. Moscow;2020;(2):151—166. (In Russ.)
2. Belyaev YaV, Vikhlyayev VI, Zelentsova OV, Shitov VN. Kelgininsky Grave Field: Excavations of the 1990s. Saransk;1998. (In Russ.)
3. Berseneva NA. Age and Gender Differentiation in the Societies of the Southern Urals in the II Millennium BC (A Case Study of Burial Monuments). Dis. ... Dr. of Hist. Sci. Ekaterinburg;2019. (In Russ.)
4. Berseneva NA. Social Archeology: Age, Gender and Status in the Burials of the Sargat Culture. Yekaterinburg;2011. (In Russ.)
5. Vikhlyayev VI, Pronin AS. Medieval Moksha. The First Centuries Together with Ancient Russia. *Proceedings of the Excavations of the Kelgininsky Grave Field (1999 — 2001)*. Saransk;2016. (In Russ.)
6. Goryunova EI. Sarley Grave Field. *Archaeological Collection*. Saransk;1948;1:6—55. (In Russ.)
7. Grishakov VV, Davydov SD. Social Stratification of the Population that Left the Ust-Uzinsky (Old Mordovian) Grave Field 2 of the III — IV Centuries. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2014;(1):7—16. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-1-2014u.pdf> (In Russ.)
8. Grishakov VV, Davydov SD, Sedyshev OV, Somkina AN. Mordovian Tribes on the Eve of the Great Migration of Peoples (Ust-Uzinsky Grave Field of the III — IV Centuries). Saransk;2016. (In Russ.)
9. Efimenko PP. Ryazan Grave Fields. Experience of Cultural-Stratigraphic Analysis of Mass-Type Grave Fields. *Ethnography Proceedings*. Leningrad;1926;3(1):59—84. (In Russ.)
10. Kozlov DA. Female Burial with a Golden Horde Coin from the Barbashinsky Grave Field Excavated in 1935. *Lebedev Readings: Proceedings of the XXIV All-Russian Scientific and Practical Conference, Dedicated to the Year of the Teacher and Mentor and the 80th Anniversary of Education of Penza State University*. Penza;2023:126—131. (In Russ.)
11. Kozlov DA. The Complex of a Paired Burial 9 — 10 of the Barbashinsky Grave Field (from the Excavations of B. A. Latynin) in the System of Chronology of Mordovian Antiquities of the Golden Horde Period. *Archeology of the Eurasian Steppes*. Kazan;2023;(1):301—313. (In Russ.)
12. Kornishina GA. Traditional Ritual Culture of the Mordovians. *Mordva: Essays on the History, Ethnography and Culture of the Mordovian People*. Saransk;2012:294—318. (In Russ.)
13. Nikolaev SD. Kinship System. *Mordva: Essays on the History, Ethnography and Culture of the Mordovian People*. Saransk;2012:288—293. (In Russ.)
14. Pallas PS. Journey through Different Provinces of the Russian State. St. Petersburg;1773:1. (In Russ.)
15. Stashenkov DA. Barbashinsky Grave Field on the Territory of the City of Samara: Some Results of the Study and Prospects for Research. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2014;16(3):326—329. (In Russ.)
16. Stashenkov DA. New Archaeological Research on the Territory of the City of Samara. Samara;2012. (In Russ.)

The article was submitted 31.08.2023; approved after reviewing 22.11.2023; accepted for publication 29.11.2023.

Information about the author:

Dmitry A. Kozlov, Postgraduate Student of the Department of Archaeology of the Scientific Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), demetriy87@gmail.com

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.